

oko=planet.su/spravka/spravkamir/184789=hramy=pamytniki=zashitnicam=otechestva.html. — Дата доступа: 01.07.2014.

Самохвалов Дмитрий Сергеевич

Белорусский государственный университет (Минск, Беларусь)

СОБЫТИЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В СОВРЕМЕННОЙ ПОСТКОЛОНИАЛЬНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Понятие постколониальной историографии может иметь очень широкую интерпретацию. С одной стороны, к ней причисляют все труды историков, написанные в эпоху, наступившую после колониализма. С другой стороны, постколониальная история — эта часть постколониальных исследований, влиятельного интеллектуального течения, возникшего в конце 1970-х гг. под влиянием неомарксизма и структуралистских теорий М. Фуко, направленного на переосмысление культурного наследия колониализма. В первом случае историографическая традиция основывается на различных традициях описания и толкования фактов колониального прошлого. Во второй половине XX в. огромное влияние на исследования колониального прошлого оказала так называемая «национальная история», сосредоточенная на подборе и объяснении исторических событий с точки зрения уже сложившихся либо складывающихся политических наций. Эта традиция до сих пор доминирует в учебниках стран, когда-то бывших колониями. По понятным причинам важное место в ней занимает история антиколониальной борьбы.

Постколониальная история как часть постколониальных исследований выросла из литературной критики и изначально ориентировалась на изучение культурных и идеологических практик колониализма, формирования колониальными державами местных интеллектуальных элит, изменения их идентичности и, в меньшей степени, превращения этих элит в национальную интеллигенцию [7]. Интерес профессиональных историков к постколониальным исследованиям появился в начале 1980-х гг., однако влияние этого направления стало ощутимо лишь десятилетие спустя и далеко не во всех странах, имевших колониальный опыт [1]. Как правило, он сочетался с применением подходов «новой истории», в том числе исторической антропологии и гендерной истории.

Первая мировая война явилась важным событием в истории не только стран Европы, но и колоний. Во-первых, представители колонизированных народов или потомки европейцев-колонистов принимали в ней активное участие, в том числе в Европе. Во-вторых, военные действия происходили и в колониальных владениях. По подсчетам некоторых исследователей, только в Восточной Африке воевало около 1,5 млн человек [3, с. 20]. В-третьих, политическое ослабление в годы войны колониальных держав способствовало развитию национальной борьбы. Кроме того, Первая мировая война ознаменовала культурный надлом европейской цивилизации, связанный с первыми серьезными попытками европейских интеллектуалов отказаться от идеи европоцентризма. Таким образом, Первая мировая война должна была стать одной из ключевых тем всех направлений постколониальной историографии. Но этого не произошло. С самого начала формирования постколониальных исследований обсуждение событий Первой мировой войны сопровождалось острыми дискуссиями, что в конце концов вынуждало многих историков браться за другие темы, более плодотворные для развития их карьеры.

Например, в Австралии, где отечественная история превратилась в академический предмет лишь в конце 1960-х гг., долгое время существовал подход, согласно которому австралийская нация осознала свою национальную принадлежность после Галлиополи, а самостоятельность — после Второй мировой войны. Это способствовало изучению деятельности АНЗАК. Но почти сразу после начала преподавания истории Австралии в университетах стали упрекать историков в том, что они преувеличивают значение военной истории, игнорируя другие важные события [5, с. 7]. В результате историки Первой мировой сконцентрировались преимущественно на изучении и публикации источников, а не на их интерпретации. В Великобритании, бывшем сюзерене Австралии, деятельность австралийских военных изучалась намного шире.

В Индии национальная историография отдавала предпочтение обсуждению проблем единения страны представителями интеллектуальных кругов и мало уделяла внимания участию в военных событиях простых индийцев. Эта тенденция была переломлена публикацией в 1996 г. монографии Будхесвара Пати «Индия и Первая мировая война» [6]. Автор попытался сочетать традиции национальной истории и постколониальных исследований, поэтому в его работе значительное место отдано описанию восприятия индийскими солдатами военных событий. Индийские солдаты сражались во Франции и на Ближнем Востоке. Окопная война, в которой они не сталкивались с противником

лицом к лицу, оказалась для них новой непонятной реальностью, они были вынуждены есть непривычную пищу и страдать от холода. Кроме угрозы смерти в боевых действиях, существовал культурный гнет. В индийском корпусе в Месопотамии наблюдались частые самоубийства. Б. Пати отмечает, что за пределами Индии солдаты получили новый для них опыт и знания, но не смогли их реализовать, вернувшись после войны домой.

Гленфорд Хау, историк из Барбадоса, в книге «Раса, война и национализм» (2002) описал опыт добровольцев из вест-индских колоний, служивших в годы Первой мировой войны в британских частях [4]. Как и его индийский коллега, он сосредоточился на культурном опыте солдат, но не на переживании ими страха смерти и непонимания окружающей обстановки, а на взаимоотношениях чернокожих солдат с белыми командирами.

В Ирландии исследования участия ирландцев в Первой мировой войне также активизировались лишь в последние два десятилетия и, как правило, проводятся в русле национальной традиции изучения ирландской культурной самобытности и борьбы за независимость. Свообразным отступлением от нее является книга ирландского историка Марка Кронина «Блэкпул — фронту», в которой анализируется жизнь рабочего предместья Корка с точки зрения истории повседневности и микроистории [2]. В ней ирландские солдаты и их родственники предстают уже не как носители оригинальной культуры или представители определенных политических взглядов, а как простые люди, стремившиеся в годы войны поддерживать семейные узы, несмотря на расстояния и риск смерти.

Таким образом, проблемы в изучении событий Первой мировой войны в постколониальной историографии объясняются прежде всего влиянием политических и идеологических дискуссий. Попытки их преодоления связаны с разработкой новых подходов, описанием опыта простых людей, их переживаний и осмысления военной повседневности. Это позволяет игнорировать традиционные идеологические догмы, но сужает тематику и проблематику исследований.

Библиографический список

1. Armitage, D. From Colonial History to Postcolonial History: A Turn Too Far? / D. Armitage // *The William and Mary Quarterly*. Ser. 3. — 2007. — Vol. 64, No. 2. — P. 251—254.
2. Cronin, M. *Blackpool to the Front: A Cork Suburb and Ireland's Great War 1914—1918*. — [S. L.] The Collins Press, 2014.

3. Gewalt, J.-B. Colonial Warfare: Hehe and World War One, the wars besides Maji Maji in south-western Tanzania — Leiden: African Studies Centre, 2005.
4. Howe, G. D. Race, War and Nationalism: A Social History of West Indians in the First World War. — Kingston: Ian Randle Publishers, 2002.
5. Macintyre, S. The History Wars / S. Macintyre, A. Clark. — Carlton: Melbourne University Press, 2003.
6. Pati, B. India and the First World War / B. Pati. — New Delhi: Atlantic Publishers, 1996.
7. Young, R. Ideologies of the Postcolonial / R. Young // Interventions: International J. of Postcolonial Studies. — 1998. — Vol. 1, No 1. — P. 4—8.

Смехович Николай Владимирович

Институт истории НАН Беларуси (Минск, Беларусь)

БЕЛОРУССКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ И ЭЛИТА В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (ПОПЫТКА МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ)

Актуальность проблемы. Проблема белорусской государственности относится к числу сложных и наименее разработанных. Во-первых, тематика, связанная с историей белорусской государственности, нуждается в глубоком, системном и целостном теоретико-методологическом анализе и осмыслении исторического пути, пройденного белорусским народом. Причем в осмыслении, способном выйти за рамки устоявшихся и прописанных в учебной литературе исторических концепций и парадигм. В качестве примера можно сослаться на проблему освещения истории белорусской нации.

Исследование данной проблемы осложнялось некоторыми объективными причинами. Так, до настоящего времени белорусская историография не имеет научной разработки, посвященной генезису белорусской нации. На наш взгляд, в XX в. белорусы стремились реализовать собственную модель цивилизационного развития, в которой национальный фактор не был главным, стержневым. Поэтому решение социальной проблематики осуществлялось не в условиях противоречий классовой борьбы, а по законам социальной гармонии, являющейся диалектической противоположностью и альтернативой классовой борьбе [11, с. 4]. Кроме того, до сего времени белорусская историография не имеет каких-либо научных разработок по проблеме «Исто-